

Сергей Ковальчук

От и До. Книга
вторая

Свидетельства бывших
атеистов

16+

Сергей Васильевич Ковальчук
От и До. Книга
2. Свидетельства
бывших атеистов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40497085
SelfPub; 2019*

Аннотация

Перед вами вторая книга серии. В ней приведены истории 17 человек, начавших свою жизнь без Бога в душе. Это и бывшая колдунья, работавшая с «некротикой», и наркоман, перенесший клиническую смерть, и алкоголики, и сектанты, и «бомж». Ключевое слово – «бывший». Все они прошли свой путь: «от и До». От дьявольских пут, повергших их в пучину греха, до настоящего подобия своего Создателя, Спасителя и Утешителя. Здесь вы найдете рассказы людей, пришедших в Православие из различных сект, узнаете, чем отличается Учение Православной Церкви от учений других церквей.

Содержание

Рассказ первый	7
Рассказ второй	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Предисловие

«Мы засорили суетой и головы, и души,
И видим-слышим только то, что жаждем видеть-слушать.
И все идет наперекос, и жизнь копейкой стала,
Забот и дел немерен воз, а нам все мало, мало.

И только охаем-кряхтим, а жизнь все хуже, хуже,
Расстаться с возом не хотим и надрываем души.
А нам понять бы навсегда, чтоб не жалеть о многом:
На свете есть одна беда – не повстречаться с Богом!»
(Иеромонах Роман (Матюшин))

Здравствуйте, мои любимые читатели! Перед вами вторая книга серии «От и До. Свидетельства бывших атеистов». В этой книге приведены истории семнадцати человек, начавших свою жизнь без Бога в душе. Кого вы только тут не встретите. Это и бывшая колдунья, работавшая в свое время с «некротикой», то есть, с «бесами-хранителями некрополя» и душами умерших людей. Это и наркоман, перенесший «передоз» и клиническую смерть, и видевший за пределами тела то, что не видели большинство из нас. Это и бывшие алкоголики, и бывшие сектанты, и даже один бывший «бомж». Почти все они стали либо священниками, либо работают при Церкви.

Ключевое слово здесь – «бывший». Все они прошли свой путь: «от и До». От тех дьявольских пут, которые повергли их в пучину греха, опустив на самое дно человеческого бытия, до настоящего подобия своего Создателя, Спасителя и Утешителя.

Надеюсь, что чтение этой книги станет для вас не только занятием интересным, но и поучительным. В ней вы прочитаете про то, как человек, совершивший неудачный суицид (облил себя бензином и поджег), и которого помиловал Господь, ценой невероятных нравственных и физических страданий обрел не только полностью здоровое тело и вернул стопроцентное зрение, но и получил от Спасителя в дар любимую жену и детей.

Здесь вы найдете рассказы людей, пришедших в Православие из различных сект. Узнаете, чем принципиально отличается Учение Православной Церкви от учений всеразличных религий и церквей. Узнаете о некоторых аспектах истории Православия.

Прочитав здесь о том, какие испытания Бог подчас дает другим людям, вы, возможно, кардинальным образом измените свой взгляд на действительность. И, надеюсь, все же найдете время для того, чтобы открыть Библию и посредством этой великой Книги Книг общаться с Богом.

За своими героями я традиционно старался записывать дословно. Со всеми словами-паразитами, со многими ошиб-

ками в падежах, наклонениях и т.п. Чтобы вы могли отличить стиль повествования каждого. Я исключил лишь повторы и явные ошибки, ставя на их месте многоточия.

С Божией помощью, пишу третью книгу этой серии. Про то, как люди приходят к Богу, и что им пришлось перенести в своей жизни, чтобы принять единственно верное в ней решение – спастись и обрести вечную жизнь со Христом.

Надеюсь, что вы, мои дорогие, с Божией помощью, ее тоже вскоре сможете прочитать. Как и все остальные мои книги. Ищите и найдете! На сайте ЛитРес.

А выводы делать только вам. Ну, с Богом!

Рассказ первый

Сергей, 43 года, священник (Россия, г. Красногорск)

«В первую очередь я хотел был сказать, что сейчас уже, с высоты прожитых внутри Церкви лет, я могу оценить свой путь, как непосредственно путь извилистый, долгий, тернистый. И на этом пути мне однозначно, и я не сомневаюсь в этом нисколько, помогал мой добрый предок, мой прапрадед, – священномученик Федор Крюков, который выманивал меня и вытаскивал меня из очень-очень многих передрыг жизненных, в которые я, по неразумию своему, попадал.

В общем, было куда попадать, потому что, действительно, родился я в обычной советской семье, интеллигентов советских, которые никогда Церковью особенно не интересовались, ничего про нее не знали, и, в принципе, имели доброе, хорошее к ней расположение, но она была где-то вне нашей семьи, вне нашего круга интересов и общения.

О своем родственнике, Федоре Крюкове, я узнал много-много позже. Мне в более старшем возрасте рассказывали, конечно, что кто-то у нас там в роду священником был, но на этом все и заканчивалось. Уже став фактически священником, я стал много-много «раскапывать» про своего

предка, и, действительно, что-то уже выяснил. И сейчас уже иконы его написаны, и идет, я так понимаю сейчас, в Смоленской епархии идет процесс канонизации, уже более широкого почитания. Не только нашего личного, но более, для Церкви доступного. Вот. И очень я надеюсь, что, конечно же, процесс этот скоро закончится, и можно будет его уже более официально представить публике.

Но тем не менее да, возвращаясь к изначальной теме, к изначальному вопросу, конечно же, в нашей семье никто ничего не говорил про религию. Никто ничего не передавал, никаких знаний о религии. И я рос, в общем-то, в совершеннейшем отрыве от любой религиозной темы. И более того, моя мама совершенно однозначно придерживалась мнения, что человек должен попробовать многое, должен узнать многое, и сам для себя впоследствии решить.

Поэтому и не отталкивали меня от Церкви, но и не привлекали, не тащили в нее. И опять же, с высоты некоторых лет, уже и опыта духовного, священнического, я могу сказать, что это, наверное, даже хорошо. Просто потому, что всегда, всю мою жизнь дальнейшую вера для меня была чем-то факультативным. Я занимался ею именно потому, что мне хотелось этого. Меня никто не принуждал, никто не подталкивал, никто от меня не требовал этого. И, зная свой, в общем-то, бунтарский характер, я понимаю, что если бы меня изначалью тащили в Храм, изначалью заставляли бы что-либо: читать, делать, молиться, поститься, тогда еще не бы-

ло никаких православных радио, я думаю, что вряд ли бы я воцерковился впоследствии. Потому что во мне этот бунт, который, кстати говоря, сидит до сих пор, и именно, по сути, бунт является основной движущей силой в моей жизни и в моем христианстве, это христианство как закваска, которая все всквашивает, все бурлить начинает в жизни. И конечно же, вот этот самый бунт, он во многом тогда бы меня удержал от Церкви, если бы это было нормой в нашей семье.

Но это не было нормой в нашей семье. И Церковь как таковая меня привлекала и своей таинственностью, своей мистичностью. Тем, что там не было ничего мне привычного, это был такой совершенно иной мир. Иные люди, даже свет иной там был. Не то, что в квартире обычной или на улице. И конечно же, меня это все очень радовало, очень привлекало. И не было никакой «обязаловки». Это тоже в моей жизни очень важный пункт, – чтобы не было именно «обязаловки» какой-то.

Так что, если появляется какое-то пресловутое «надо», мой внутренний бунт снова восстает. Поэтому, да, конечно, действительно семейство мое, Слава Богу, как я сейчас думаю, полагаю, Слава Богу, оно было вне Церкви в тот период. И до подросткового возраста, до примерно лет четырнадцати, я так думаю, полагаю, я не могу вспомнить однозначно и точно, я не обводил этот год в кружочек в календаре, но тем не менее, как мне кажется, примерно до четырнадцати лет я совершенно не интересовался религией, вовсе.

Она меня просто не трогала, просто никоим образом в мою жизнь не проникала. Однако надо сказать, что бабушка моя меня регулярно пыталась водить в Храм. Ну как регулярно? Раз в год, в лучшем случае (*смеется*). Тогда это было регулярно. И я даже помню: она водила меня в Храм Всех Святых на Соколе. В жизни этого прихода есть один любопытный момент. Буквально два месяца он стоял перекрашенным. Он так обычно бело-желтенький такой, а его перекрасили в красно-белый цвет. Это никому не понравилось, поэтому буквально через месяц или два его перекрасили обратно.

Вот, я помню этот Храм еще красно-белым. Я маленьким мальчиком туда заходил, и атмосфера Храма я помню на меня произвела потрясающее совершенно впечатление. Полутемный Храм, лики, множество людей, смиренно, тихо стоящих. И батюшка такой благообразный очень был. Мне там очень понравилось.

Но это были редкие вспышки. Это не было что-то повседневное, это не было что-то обычное и привычное для меня. Это были именно редкие вспышки чего-то такого иномирного в моей повседневности. И это меня цепляло. То есть, это по крупичкам как-то складывалось в моем сердце, хотя пока еще не дало никакого результата на тот момент.

И примерно лет в четырнадцать... может, вы помните, люди нашего среднего возраста, люди старшего возраста наверняка вспомнят, что в девяностые годы по телевизору шел та-

кой сериал: «Горец». Вот именно этот сериал на самом деле сформировал все мои интересы на всю оставшуюся жизнь. Как это ни странно может быть прозвучит (*смеется*), но тем не менее это так.

Потому что... я очень вкратце напомню, в чем там канва была... Есть некие люди, но они бессмертные, и единственное, что их может убить, это если им отрубят голову. И эти люди друг друга ощущают на расстоянии, они друг друга ищут, уединяются в какой-нибудь переулочек тихенький, достают там большие мечи, красивые, и рубят друг другу головы. Ну, пытаются, по крайней мере. И сила из одного человека переходит в другого, и вот в конце концов всего один должен остаться бессмертный на весь мир. Вот это – канва всего сериала.

Меня это, подростка тогда, честно говоря, совершенно поразило. И настолько мне это было интересно, и настолько это было зрелищно. Ну, конечно, там машут мечами, причем красиво. Причем в нашей современности, элемент необычности такой присутствует. И, конечно, меня этот сериал тогда очень сильно захватил. И он фактически сформировал две основные линии интересов в моей жизни.

Это, во-первых, собственно мистика, как таковая. И она стала впоследствии главной чертой. И второе – это интерес к истории. Потому что в этом сериале постоянно были флеш-бэки назад в историю: как они там рубили головы двести, триста, пятьсот лет назад. И настолько мне это понравилось,

настолько меня это вдохновило, что интерес и к истории, и к всевозможной тогда еще мистике он во мне укоренился, и жил, возрастал, и плюс еще эти воспоминания из детства о Храме... То есть, во мне это все аккумулировалось (*смеется*).

Второй важной вехой для меня, в моем становлении как христианина, послужило то, что я начал прогуливать школу (*смеется*). Мне не очень, честно говоря, она нравилась, и как-то с ребятами не очень складывалось в школе. И я просто начал прогуливать. Вначале я катался на автобусе. Там тепло, сидеть можно, никто не трогает. Но вот тут как раз пришла зима, контролеры начали ходить по автобусу, билеты проверять. А я, естественно, без билета катался, я же школьник. И я начал думать, где бы так прогуливать школу, чтобы тепло, сухо, никто бы не трогал, и еще там сидеть можно было бы.

И меня осенило: библиотека (*смеется*). И в результате я все свои последние классы школы: девятый, десятый, одиннадцатый, три последних класса школы, я прогуливал именно в библиотеке сидя. И любопытно, что за эти три, может быть, четыре года, что я там «торчал», у меня ни разу, ни единожды ни один сотрудник библиотеки не поинтересовался, что явный школьник в явно школьное время делает в библиотеке, а вовсе не в школе (*смеется*).

И, сидя в библиотеке, я сначала вроде бы взялся за художественную литературу. Там я, кстати говоря, впервые про-

читал Толкиена, который тоже впоследствии хорошо «лег» на мою духовную почву, и до сих пор я искренне люблю этого автора. Он один из любимейших моих авторов. Но, так или иначе, художественную литературу мне довольно скоро наскучило читать. Мне захотелось чего-то более такого реального. Какой-то твердой пищи для ума. И поскольку у меня уже был серьезный интерес к мистике и к истории, именно это и стало моим основным чтением. Все эти три года. В первую очередь, конечно, всякого рода мистика.

Там еще было очень замечательно, что в здании библиотеки, как она была еще в советское время, произошли некоторые реформы. Все это здание занял какой-то коммерческий банк, который потом обанкротился. А библиотека в это время ютилась буквально в двух-трех крошечных комнатушках, с черного входа. И сам вид этой библиотеки был очень домашний. То есть, это были просто обыкновенные стеллажи с книгами, и посреди них стояли столы для чтения.

Там не было хмурых тетенок, которые сидели и выдавали книги, ничего абсолютно. Это была совершенно неформальная обстановка: приходишь, берешь любую книгу, и читаешь сколько в тебя влезет. И вот, я как раз облюбовал себе местечко рядом с полочкой по религии, и всю эту полочку одна за одной книжки вычитывал.

Конечно, там было все. Там был и буддизм, и ислам, и свободомыслие, и христианство, конечно, тоже. И тогда во мне еще не было сформировано какого-то вектора развития.

Интересно было все. А я – человек увлекающийся, и, конечно, я очень сильно погружался в те книги, которые читал. То есть, я читаю про буддизм, и думаю: «это ж здорово! Так я ж, наверное, буддист. Вот же оно! Все правильно же написано!»

Потом читаю про ислам, и думаю: «ну, все в руках Аллаха, да, конечно!» Потом читаю про свободомыслие, и думаю: «ой, да ну, вся эта религия...» (*смеется*). Но впоследствии меня из этого духовного болота, из этой всеядности вытащила именно любовь к истории. Поскольку любил я историю не вообще, как таковую, а любил я именно конкретно историю средневековой Европы, которая вовсе немислима без христианства, без католичества.

И именно этот момент, эта линия меня вытянула. И именно благодаря ей я определился окончательно со своими увлечениями и однозначно остановился на христианстве. Но в католическом варианте, поскольку была любовь к европейской истории, а не к русской и греческой (*смеется*). Вот. И тогда у меня было такое довольно сложное состояние духовное. Потому что я вроде бы уже понял, что мне нравится, к чему у меня лежит мое сердце, куда мне хочется, но я же помню также, что в детстве, раннем младенчестве меня крестили в Православии. И мне мои родные об этом естественно рассказали, и я считал себя, в общем-то, православным человеком. Хотя ничего про это абсолютно не знал и не понимал. И мне, конечно, это было как-то неловко, что вот так вот оно все происходит. И что я вроде бы хочу в католики,

хотя сам на самом деле православный.

И, может быть, полгода я колебался, и в конце концов все-таки пришел в католический храм, в костел. Сначала это был Святого Людовика, в центре Москвы, затем это был Непорочного Зачатия Кафедральный Собор католический. Собственно, два католических храма в Москве. Вот. И там меня ждало первое такое серьезное мое, в отношении католичества, потрясение.

Но в данном случае оно хорошее (*смеется*). Оно мне понравилось. Дело в том, что, быть может, вы знаете, в этом соборе регулярно проводятся концерты органной музыки. И вот, как раз-таки, был зимний вечер, было, в принципе, не поздно, но уже темно. И я зашел в этот костел, буквально мимо проходя, даже не планируя туда заходить. Зашел в этот костел. И он стоял совершенно пустой. Вот эти готические своды, теряющиеся во мраке, он темный совершенно, и играл орган. Потому что на следующий день должен был быть концерт органной музыки, и, видимо, человек сидел и репетировал.

Мне это настолько понравилось. Я сел на лавочку, и думаю: «все, я отсюда никуда не уйду! Все, это мое родное!» Мне так это понравилось, конечно. И действительно, впоследствии я нашел в себе силы, чтобы сделать уже решительный шаг по отношению к католичеству. Я стал католиком. Это, в общем-то, долгая история, как я становился католиком. В нашей России это не так просто, а я просто плюнул

на все, и пошел причащаться со всеми.

А потом, впоследствии, уже в документах Второго Ватиканского Собора нашел, что да, я, как восточный христианин, могу это делать, никто мне поперек слова не скажет, что не понравилось тамошним монахиням (*смеется*), но получилось, как получилось. Вот.

И действительно, я стал католиком. Впоследствии, чуть позже, во мне возник интерес уже к католичеству не как к таковому, не как к некой системе мировоззрения, что ли, или как к системе веры, а я хотел как можно глубже в него проникнуть. Как можно глубже войти вот в этот мистический удивительный, красивый мир. И мне захотелось стать священником. Католическим.

Но, поскольку у католиков принципиально существует це-либат, то есть, без разницы: стану ли я епархиальным священником, или буду относиться к какому-то из монашеских Орденов, я как-то все это для себя принял легко и просто. Вопросов здесь для меня не возникало. Что будет у меня семья, или не будет. То есть, у меня была цель, и я двигал к этой цели, однозначно. И поскольку очень любил всегда «добро с кулаками», и военно-монашеские Ордена очень любил, я нашел в Москве единственного на тот момент, может быть, и на данный момент тоже, не знаю, «доминиканца». Это отец Александр Хмельницкий. Он до сих пор в Москве, кажется, присутствует.

И, найдя его, я к нему обратился, я с ним пообщался. Он

меня познакомил с Третьим Орденом доминиканцев здесь, в Москве. У меня с ними тоже завертелось общение. Хотя они мне не очень понравились. Мне хотелось чего-то такого – подлинного, а не эрзаца. И впоследствии, из общения с этим отцом Александром выкристаллизовалось желание отправиться в Доминиканский монастырь.

И он дал мне рекомендации, и я уехал в Фастов. Это город в шестидесяти километрах к юго-западу от Киева, на Украине. Я уехал в Фастов, в Доминиканский монастырь, где некоторое время прожил, будучи, по сути, послушником. Постулантуре это называется в католичестве. У нас это будет, видимо, послушник.

Вот, послушником я там и жил. Признаться, это самое приятное послушание было за всю мою жизнь, потому что я не делал ничего (*смеется*). Я валялся на раскладушке в абрикосовом саду, и ел эти абрикосы. Вот это было все мое послушание.

Это было действительно очень интересно, потому что я гораздо ближе, и, можно сказать, в повседневной жизни столкнулся со священством католической традиции. Правда, современной католической традиции. Здесь нужно достаточно четко разделять ее на традицию до Второго Ватиканского Собора, и такую неотрадицию после Второго Ватиканского Собора. Потому что это такая, к сожалению, серьезная веха в истории католичества, которая радикально изменила как таковой католицизм.

Начало конца моего католичества случилось, когда я пошел с группой католических паломников в паломничество к Ченстоховской иконе Божией Матери в Польше. В Польше существует огромнейшая и древнейшая традиция паломничества на Ясную Гору, в этот монастырь, к Ченстоховской иконе Божией Матери. Очень-очень много людей, буквально тысячи людей пешком из разных городов Польши идут на Ясную Гору для поклонения. И, в частности, моя группа, к которой я присоединился, мы из Люблина две недели шли пешком по Польше на Ясную Гору к этому монастырю, к этой иконе.

И когда меня зазывали туда мои друзья, они говорили: иди непременно. Прежним человеком ты из этого паломничества не вернешься. Они были правы (*смеется*) абсолютно, действительно, на все сто процентов. Прежним я не вернулся. Но, увы, не вполне в том ракурсе, в котором они хотели. Потому что там, в процессе этого паломничества, я мог посмотреть на католичество не в русском или украинском изводе, где оно подвержено сильному влиянию Православия. А там я мог посмотреть на настоящее католичество, как оно, собственно, есть в традиционно именно католической стране.

И к огромному сожалению я вынужден признать, что оно очень попсово. Дело в том, что каждый день у нас была так называемая рекреация – то есть, отдых. И мы в паломничестве этом идем целый день. Вечером приходим в какой-либо

населенный пункт, и местные жители нас разбирают ночевать к себе. Кому не досталось места, тот просто где-нибудь в палатке на поле спит. И разместившись, мы все вечером собираемся в костеле на мессу. И потом, после этой мессы, собственно, рекреация и начинается.

Что это значит? Народ быстренько раздвигает лавочки в костеле, образуется некая танцплощадка, включается попсовенькая музыка, парочки пританцовывать начинают прямо в костеле. Для меня это было, конечно, совершеннейшим шокком. И когда это происходило в таком, знаете, в храме неоконструктивизма, такого стиля архитектурного, оно одно с другим, в общем-то, сочеталось. То есть, здесь что-то непонятное, тут что-то непонятное, в общем, нормально.

Но когда они посмели это сделать в храме двенадцатого века, где фундамент еще романский, а крыша уже готическая, и вот настолько это все стариной дышит, меня это, конечно, честно говоря, совершеннейшим образом изменило. Я просто выбежал из того храма, и сказал, что я туда вообще больше никогда не вернусь.

За мной выбежал мой друг, начал меня успокаивать. В общем, как-то более-менее договорились. Но действительно вот это стало поворотной точкой. Это стало началом конца в моем католичестве. Потому что с этого момента я начал не через розовые очки смотреть на католичество, не через призму своей любви к Средневековью, это вот та самая католическая церковь, которая мне тогда нравилась. Нет, а то,

что это уже составляет сейчас.

А надо отметить, что католическая церковь сейчас – это фактически церковь победившего обновленчества, где напроць забываются и оставляются многие традиции. Много, что было ценно двадцать веков, в конце двадцатого – начале двадцать первого века вдруг объявляется просто ненужным. И вот, в частности, одна из чудовищных духовных катастроф католичества – это Второй Ватиканский Собор, который на протестантский манер реформировал все католичество до глубины. До самой его глубины.

И, к сожалению, это сказалось в первую очередь на благочестии самих верующих. То есть, для тех же католических паломников совершенно нормально и естественно, сняв рюкзак, положить его на престол, и пойти там по своим делам дальше заниматься.

То есть, в Православии это вообще немыслимо. Мы настолько трепетно относимся к Престолу, настолько эта святыня важна для нас, что даже вот очки или молитвослов невозможно положить на него. Не дай Бог, если на нем лежит что-то кроме того, что необходимо.

И такое забвение к собственной традиции, такое забвение и нелюбовь к тому, что покрыто благородной пылью веков, и то, что я искренне любил в католичестве, оно, конечно, очень сильно меня расстроило. Меня это напрягло, честно говоря. Потому что уж если в Польше такое происходит, то что же происходит во Франции или в той же Австрии, и так

далее.

Здесь я начал понимать, что мне путь только обратно в Православие. Потому что мне ценно и важно ощущать преемственность веков. Мне ценны и важны традиции. Без традиции, без живой традиции, даже отчетливо подчеркну – без живой традиции невозможно правильное понимание христианства. Опыт Церкви за две тысячи лет – это величайшая драгоценность, что у нас есть. И когда это, в угоду сиюминутным современным каким-то новомодным течениям, отвергается, отрицается или вовсе выбрасывается, меня это очень сильно ранит. Мое сердце это очень сильно ранит, конечно.

И здесь я уже однозначно для себя определил, что мне путь обратно в Православие. Я отмечаю, что в этот момент у меня очень многое, конечно, строилось на эмоциях. И о Догматике как таковой речи здесь пока еще не идет. Просто потому, что я в нее еще не настолько глубоко, на тот момент, вник, чтобы, действительно, вопрос о филиокве или вопрос о первенстве Папы Римского имел для меня серьезное значение, какую-то роль играл.

То есть, здесь это было в основном мое личное переживание, мои личные впечатления от католичества, и не нахождение того, что бы я хотел в нем увидеть. К чему я стремился, собственно, изначально. Ну вот.

А впоследствии, уже по прошествии некоторого времени, когда я уже уехал из монастыря, из Доминиканского этого, я снова попал в некий такой вакуум духовный. Потому что

из католичества я уже ушел, а в Православие я еще не пришел. Хотя понимал, что мне путь именно сюда и определен. Мешало то, что я, собственно говоря, никогда близко Православие и не видел, не понимал, и не знал.

И в этот период мне очень помогли одни очень милые и добрые, хорошие люди, которые увлекались и интересовались латинским обрядом в Православии. Дело в том, что это весьма специфическая тема. Ее мало кто освещает, мало кто о ней знает, но тем не менее действительно так. В Православии существует латинский обряд. И более того, именно наша Русская Православная Церковь Московского Патриархата его и начала.

В Америке, в Австралии, я знаю, существует много приходов. Причем там, что любопытно, в этих приходах используется либо переработанная англиканская месса, которая была рецензирована святейшим Патриархом Тихоном, и поэтому в этих приходах она носит название «Литургия святителя Тихона». И так же, наряду с этим, используется традиционный дореформенный латинский обряд. «Тридент» так называемый. Тридентский обряд. Вот.

И познакомился я с такими милыми людьми, которые этим всем занимались. И, по сути, они мне действительно помогли прийти в Православие. Потому что человек, который этим всем занимался, он, в принципе, изначально и ставил перед собой цель: именно перевод людей из католичества в Православие. То есть, дать им возможность познако-

миться с Православием через те формы, которые им близки и понятны. Через католические формы, по сути. Образно говоря, как мы сейчас это воспринимаем. Вот.

И тогда, пообщавшись с этим человеком, я действительно углубился в Православие. И он мне говорил: «ты обязательно сходи в Сретенский монастырь, там на службах постой». Я ходил на Всенощную, я помню, Сретенского монастыря. Было долго, непонятно, но интересно (*смеется*). И постепенно, постепенно, постепенно, по шажочкам как-то принимал в себя Восточный обряд, как таковой.

То есть, получается, что вот это вот увлечение, опять книжное увлечение из латинства (Православного уже извода) оно привело меня к Православию исконному. К Православию Восточному, как оно и есть сейчас в нашей Русской Православной Церкви. И вот тогда, как раз-таки, ощущая в себе искренний духовный голод, и необходимость быть частью христианской настоящей православной общины, я просто пошел в первый попавшийся Храм, который мне на пути буквально подвернулся.

Это была улица Маросейка. И первый же Храм, который мне подвернулся, это был Храм Николы в Кленниках, на Маросейке. Знаменитая Маросейская община. И там, собственно говоря, я воцерковился, и там я начал свою православную уже, нормальную человеческую духовную жизнь.

Помню исповедовался батюшке, первый, какой мне попался там, это отец Николай Чернышов. Очень его люблю и

уважаю до сих пор. Иногда даже видимся с ним (*смеется*). А как выяснилось позже, ему нужно было в этот самый момент ехать принимать экзамены у иконописного отделения Свято-Тихоновского института. А тут я такой со своей исповедью за изрядное количество лет, за изрядное количество лет натворенных. И он, надо отдать ему должное, безропотно выслушал меня.

Наверное, часа два с половиной он меня слушал, вот, отпустил мне грехи. По сути, принял меня в Православие через покаяние обратно же. И сказал: «ну, Слава Богу, теперь мне надо ехать!» И спокойненько уже уехал по своим делам. Это тоже очень тепло для моего сердца легло, и я, конечно же, с радостью потом ходил в этот приход. Там я начал уже воцерковляться и погружаться именно в само Православие как таковое. Мне хотелось просто обычной человеческой приходской жизни.

Мне не хотелось чего-то уникального, мне не хотелось чего-то из ряда вон выходящего. У меня вообще желание эпатировать публику прошло с подросткового возраста. Мне уже начинало хотеться чего-то такого подлинного. Действительно фундамента, на который можно опереться, и дальше стены уже своей жизни строить.

И для меня это в первую очередь всегда соприкасалось именно с этой религиозной православной жизнью. Вот с этого момента и дальше. И в этом Храме, как я уже сказал, я воцерковился, в этом Храме я уже начал свой какой-то даль-

нейший церковный путь строить. И уже, естественно, помня свое искреннее желание углубиться внутрь христианской жизни, войти как можно глубже, прикоснуться к самым святым святым, я, опять же, захотел стать священником. Только уже православным в данном случае (*смеется*).

С чем, собственно, к своему духовному отцу и обратился. Вот. Он как-то так несильно среагировал. Ну я думаю: «ну что, ну не против же человек, не сказал же «нет». Значит, нормально». И я... приходит время собирать документы на поступление в семинарию. Я все документы прекрасно собрал. Остался только один-единственный документ. Это, собственно, письменное благословение духовного отца.

Я к нему подхожу:

– Все, отче, давай! – Он говорит:

– Не дам. – Я:

– Как это, не дашь? Давай! – Он говорит:

– Не-не-не. Ты приход знаешь только с внешней стороны, как прихожанин. А ты его сначала узнай изнутри, с самой изнанки. Давай годик сторожем поработай у нас в Храме, а потом посмотрим (*смеется*).

А я тогда работал веб-дизайнером и 3D-визуализатором, много трудился на этом поприще, и достаточно неплохую зарплату имел. И, конечно, такой «кульбит» он был шоком для моей все еще тогда неверующей родни. Когда я бросаю весьма достойную работу, и иду сторожем в Храм. Я тоже иронично над собой подтрунивал, что, дескать, пик моей

церковной карьеры – церковный сторож (*смеется*). Вот.

Но, действительно, прошел этот год, и на таком собрании, консилиуме нашего духовенства тамошнего Маросейского Храма ныне покойным тогдашним настоятелем, отцом Георгием Поляковым, было вынесено решение, что да, пусть идет в семинарию, хорошо.

Но духовник мой не благословил идти в Лавру, а на собрании владыки Арсения, где распределение происходит, на этом самом епархиальном собрании для распределения меня отправили в Перерву. Перервинскую семинарию...

То, что меня изначально привело в католичество – это любовь к традиции. Именно отсутствие уважения к существующей традиции меня сильно покорило в католичестве, и стало тем поводом, который подтолкнул меня к выходу из католической церкви.

И, конечно, при Папе Бенедикте Шестнадцатом, он уже после моего католичества на престол взошел, но тем не менее, при Папе Бенедикте Шестнадцатом действительно наметился какой-то курс возвращения к традиции, к истокам. Но при Папе Иоанне Павле Втором, а, собственно говоря, мой период католичества совпал с его понтификатом, тоже были какие-то потуги к сохранению традиции, к утверждению традиции.

Но, как я тогда для себя вынес, как я это понял, даже этот уважительный реверанс к традиции совершался исключительно из модернистских побуждений. То есть, такой аб-

солютной всеядности. Что вот такие у нас «крокодилы» есть, ну вот, пусть они тоже будут. Ну, а что ж такого? Вот.

А так мы и на там-тамах побарабаним на мессе. Собственно говоря, я лично был этому свидетель в том же самом Непорочного Зачатия на мессе какой-то там местной африканской общины. Кружок сидел вокруг престола, и играл на там-тамах. «священнодействовал». Вот.

Просто вот эта всеядность, она меня еще больше покорибила. То есть, я не увидел в католичестве, в современном католичестве, действительно серьезного движения к традиции, как бы, в обратную сторону. И даже то движение, которое есть, оно принимается именно в силу модернистских воззрений, а вовсе не уважения подлинного к традиции как таковой.

И именно это я нашел в Православии. И именно это в Православии и по сию пору остается неизменным. Здесь не идет речь о каких-то частных или личных достоинствах конкретных персонажей. Ни в католичестве, хотя там очень много своеобразных личностей, ни в Православии. То есть, здесь вообще нет персонализации. Это вопрос более глобальный, более широкий. И именно вопрос Церкви Христовой, по сути.

Вот то, что двадцать веков было нормально, почему-то вдруг у католичества современного оказалось ненормальным в двадцать первом веке. Вот. Это все нужно сломать, все нужно переделать. Мы сейчас будем все по-другому делать.

Может быть, к нам тогда больше народу будет ходить. Вот.

Нет, я совершенно искренне считаю, что к Богу приходят одинокие, ищущие странники, а не пионерские отряды под патриотические песни...

Нужно отметить, что мы сейчас говорим про путь человека ко Христу. К Православию, в данном случае. И говоря про этот путь, не нужно ожидать, что с самого начала этого пути человек обладает всеми знаниями, всем пониманием. Я отлично понимаю, что действительно, самое начало моего церковного пути было весьма... эмоционально (*смеется*).

Многие решения я принимал под влиянием именно эмоций, а вовсе не разума, и вовсе не понимания как такового. Конечно, знания пришли немножечко позже. И естественно, сейчас уже, с той позиции, на которой я стою, уже могу оценивать те или иные какие-то свои метания душевные, и говорить, что это было незрело, а вот это было действительно правильным шагом.

Но тогда еще я это не мог для себя сформулировать. Я даже не обладал теми инструментами, с помощью которых можно было бы действительно оценивать, и правильные решения принимать в тех или иных ситуациях. Поэтому, конечно, тогда для меня вопрос Догматики не стоял как таковой. То есть, он был для меня каким-то фоном определенным, я о нем знал естественно. О филиокве и многих иных нюансах католичества я знал естественно, но принимал как данность. И не больше. Меня это не интересовало, чтобы в

это глубоко вникать.

И уже, собственно говоря, перейдя в Православие, и начиная «раскапывать» вот эту традицию, которую я так люблю, которая мне так интересна, я с удовольствием начал погружаться в нее. По кирпичикам ее разбирать и дальше все углубляться в нее, уходить. Здесь, как раз-таки, конечно, да, уже встали вопросы догматического характера. И в них я тут уже, обладая большими знаниями и большим опытом, разобрался.

Действительно, сам для себя уже абсолютно однозначно отметил правильность Православия, православной точки зрения. Опять же, потому что оно неизменно зиждется на первых семи Вселенских Соборах, то, что оно зиждется на учениях святых отцов и самих Апостолов, апостольских мужей, и прочих святых отцов, которые были в первые тысячелетия, что у католиков сейчас, увы, отсутствует. То есть, оно как таковое, как данность, у них есть, но для них гораздо важнее то развитие, которое они получили уже в расколе, уже начиная со второго тысячелетия и далее».

Рассказ второй Алексий, 42 года (Россия, г. Москва). Православный священник

«Я хочу на своем примере немножко рассказать. У меня уровень «мохнатого» атеизма был в школе, наверное, где-то лет до десяти. Но тоже не всегда. Меня крестили лет в семь, наверное, или в восемь, я уже не помню. В восемь, по моему. Нам уже про Ленина рассказывали, про партию, но про религию мы ничего не знали.

Нас отвезли в другой город, потому что в нашем городе, я родом из Балашова Саратовской области, в Церкви заставляли паспорт показывать тех, кто приводил крестить детей. Была очень строгая слежка, и было преследование тех, кто ходит в Церковь. Внушения по партийной линии... ну, это вы все знаете.

И когда меня покрестили, я вот просто явственно помню вот это чувство чистоты, радости и благодати, которая меня посетила после крещения. Я вот это детское чувство явственно помню. Потом это все, конечно, забылось, потому что это было все неосознанно, никто это не подкрепил зна-

ниями. Никто мне не рассказал о Боге, о Христе. Я ничего об этом не знал. Вот дали крестик: «Спаси и Сохрани!» Боженька. Кто Такой Боженька? А Он должен меня спасти и сохранить. Чувствую: да, радость на сердце, а что это, объяснить я не могу.

А потом, когда пошел уже в школу, там уже, соответственно, пропаганда советская, марксизм-ленинизм, сказки вот эти вот всякие в книжках. Поп – толоконный лоб, высмеивание по телевизору. Тогда в Театре имени Образцова кукольном очень часто крутили эту комедию божественную, где такой смешной Боженька лепит из глины Адама и Еву. И все вот это высмеивается, все эти вещи.

И, конечно, ребенок видит: Бог на Облаках – это как? Ну это же глупость. Я вот своим критическим разумом атеиста маленького понимал: «ну, это невозможно». Когда меня отец привел в Церковь первый раз, просто чтобы я посмотрел, я увидел: вот да, Старец на Облаках. Как такое возможно? Наверное, Бога нет.

И я с этим сознанием где-то жил, наверное, года три или четыре. Но время было такое непростое, началась перестройка, стали у нас пропагандироваться различные теософские течения. Везде печатались в журналах всякие веяния: Блаватской, Рериха, вот это все. Экстрасенсорика пропагандировалась. И я начал этим делом, ради шутки, баловаться. И знаете, я почувствовал духовный мир. То есть, уровень вот этой теософии у меня где-то в двенадцать лет. Это я вам как

теорию эволюции, да, где это может случиться. Атеист там лет десяти, теософ с десяти до двенадцати, дальше-дальше уже...

И когда я понял, что существует невидимый мир духовный, который я почувствовал, и с которым я вошел в контакт, то почему не может быть Бог? Только не такой Бог, в Которого церковники верят, на Небесах, а альтернативный бог – некая субстанция, высший разум, о котором там все это проповедовалось, в теософских трактатах, во всех журналах, и по телевизору тоже. Кашпировский, Чумаки появились всякие.

И естественно, я прошел и через изучение восточных религий, но почему-то душа лежала к Евангелию. Я не знаю. Я не знал, что такое вообще Евангелие, я не знал, Кто такой Христос. Я ничего не знал и просто решил почитать Евангелие. Уже в институте, когда я поступил, я почитал Евангелие, и меня поразила нравственная красота Евангелия.

И когда я поехал за ответами по монастырям, потому что я ходил ради интереса, чем там протестанты занимаются... Но просто душа не лежала. Прыгать-скакать там. Разве так Бога славят? Это что-то не то. И возникло это недавно. На уровне юноши в восемнадцать-девятнадцать лет я это понимал. То есть, протестантизм у меня где-то так «проскользнул»: раз – и все. Потому что это совершенно нелогично. Я учился в институте и немножко мог анализировать и рассуждать. Нелогично. Представьте, как так можно?

Если Бог есть, если допустить эту мысль, что Он есть, то вера в Бога – она должна быть непрерывна в истории. Ну это же логично. Значит, надо обратиться к более древним каким-то источникам. Если в формате христианства, то надо к Православной Церкви идти, и там узнавать, где Истина. Вот я и поехал по монастырям, стал спрашивать батюшек, иеромонахов там, в церкви заходить. И вот, когда я с духовным своим отцом встречался, он мне дал книгу «Мистическое богословие» Дионисия Ареопагита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.